

Часть первая

Глава 1

Грачев любил городок, в котором родился и вырос. Тихий, чистый, очень живописный Приреченск — в нем была особенная, интеллигентная провинциальность. Наверное, потому что рядом с ним находился дачный поселок «Ли́ра», в котором участки давали деятелям искусства не первого эшелона — элита обитала в ближайшем Подмосковье, а их городок находился в ста километрах от столицы. Художники, писатели, режиссеры, мультипликаторы были его частыми гостями. И они не только отоваривались там в магазинах, отправляли письма с почты, посещали дом быта, но принимали участие в жизни Приреченска: организовывали творческие встречи, конкурсы художественной самодеятельности, рисунков на асфальте, помогали с благоустройством парка. И так на протяжении нескольких десятилетий. Многие из тех, кто ушел на покой, осели в «Лире» и стали своими для приреченцев. Например, скульптор Васильев. Когда-то он ваял статуи коммунистических вождей, а на пенсии увлекся изготовлением деревянных фигур и украсил ими Дом культуры. Или взять заведу-

ющую городской библиотекой, Эмму Власовну. В семидесятых годах прошлого века сборники ее стихов продавались во всех книжных магазинах СССР. Директором же музыкальной школы был композитор Вайцеховский, автор нескольких парадных маршей.

Грачев застал только Эмму. Но скульптуры Васильева видел, они до сих пор стояли в Доме культуры. А о Вайцеховском с восторгом рассказывала мама, окончившая музыкалку по классу баяна. Участком композитора сейчас владел главврач районной больницы. Соседние участки тоже были проданы людям, далеким от искусства. Ко всему, в Приреченске построили еще один завод по производству керамики, и появилось много пришлых, но городок все равно сохранил свою интеллигентность. Мама Грачева считала, что он так напитался культурой, что к нему грязь не липнет...

— Товарищ майор, — услышал Грачев оклик и обернулся. К нему быстро шагал старший лейтенант Константин Пыжов. Худенький, белобрысый, издали он походил на подростка. В его руке был зажат рабочий планшет.

— Я весь внимание, Костя.

— Личность погибшей опознана.

— Так быстро? — подивился Грачев. — При ней ни документов, ни телефона...

— Ее узнал водитель труповозки Димон, они когда-то соседями были. — И Костя передал планшет Грачеву.

— Эскина Кира Анатольевна, 1982 года рождения, — прочел тот. — Знакомая фамилия, но не женщина.

— Она сразу после школы в Москву переехала. Там и жила до недавнего времени.

— Когда вернулась?

— Димон точно не знает, но неделю назад столкнулся с Кирой на площадке, когда родителей навещал. Сказал, выглядела плохо. И была будто не в себе.

— А спустя семь дней мы находим ее тело у подножия старой водонапорной башни, — и Грачев глянул на нее, возвышающуюся над поросшим ивняком берегом. — Похоже на самоубийство.

— Нет, увы. На теле явные следы борьбы, под ногтями биоматериал: кровь, частички кожи.

Грачев тяжело вздохнул. Вот тебе и окультурились настолько, что грязь не пристает...

В Приреченске произошло убийство!

Первое за те семь лет, что Николай Грачев служил в местной полиции.

— Труповозка еще не уехала? — спросил он у Кости.

— Нет, тело грузят.

— Позови Димона.

— Лады, — и зашагал прочь.

Николай бросил дерматиновую папку на трухлявую лавку, затем уселся на нее. Май стоял дождливый, хоть и не холодный, и дерево было влажным, а на Грачеве голубые джинсы. Когда-то именно на этом участке берега собирались компаниями горожане. Тут и прогулочная зона имелась, и песчаный пляж. Праздник Нептуна проводился в День города, а это десятое июля. Но река обмелела, и зону отдыха перенесли в другое место. Там теперь не только пляж, во-

лейбольная площадка, лавочки, аллеи, освещенные стилизованными под старину фонарями, но и летняя эстрада. На ней проводятся концерты, дискотеки и танцы для пенсионеров.

— Товарищ майор, звали? — услышал Коля густой бас водителя. Говорил он не только громко, но и картаво.

— Да, Дима. Расскажи мне о покойной.

— Да я ее плохо знал. Она старше меня на семь лет, а девушки с салагами не общаются. Когда я рос, она уже с женихами гуляла.

— Много их было?

— Да, Кира пользовалась у парней спросом. Но ничего лишнего не позволяла. Даже не обжималась ни с кем в подъезде. Просто крутила, вертела ухажерами. Она хорошенькой была. А какой веселой! Когда хохотала, все соседи слышали. Поэтому я удивился, когда увидел ее последний раз. Совсем другая: потухшая, изможденная. От бывлой красоты и следа не осталось.

— С кем она жила?

— Когда-то давно с матерью и братом. Но они оба умерли. Сначала Родя, потом тетя Таня.

— Что с ними случилось?

— У нее с сердцем проблемы были, не пережила инфаркта. А он с собой покончил в подростковом возрасте.

— Из-за чего?

— Не знаю. Я малой был, когда это случилось. Родя с сестрой погодками были, она на год всего старше. Помню только похороны. Но, уверен, в архивах найдутся материалы. Мать не верила, что Родя на себя руки наложил, считала, убили его. Расследование было. Но...

— Постой, — встрепенулся Грачев. — Я помню смерть этого парня. Вот откуда мне известна фамилия! Родион Эскин, мальчик-вундеркинд, который покончил с собой... сбросившись с крыши?

— А не утопился он? В закрытом гробу хоронили. Тело якобы раздуло.

Тут раздался автомобильный гудок. Это Диму звали, нужно было ехать.

Грачев отпустил его. Вскоре тоже направился к башне. Из ее двери как раз выходил старлей Пыжов.

— Кровь нашли на стенах, — сообщил он. — Взяли на анализ.

— Пошли, покажешь где.

Коллега кивнул и провел Грачева внутрь. Там была винтовая лестница. Узкая, порушившаяся. Ее перила давно пришли в негодность, и чтобы подняться, нужно было держаться за стену. Там-то и была найдена кровь.

— А на это почему не обратил внимания? — спросил у Пыжова товарищ майор. И указал на блестящую пуговицу.

— Тут полно мусора, сами видите.

Да, помещение было захламлено. Тут и пустые пивные бутылки, и какие-то тряпки, и банки консервные. Все пыльное, грязное. На двери башни имелся замок, но его постоянно сбивали то романтические подростки, желающие с высоты посмотреть на закат, то алкаши — увы, они тоже были в налитом культурой Приреченске.

— Пуговица блестящая, — Коля поднял ее с пола. — Оброненная совсем недавно. И она вырвана с корнем.

— Да, тут нитки, — согласился с ним Пыжов. — Причем и обычные, катушечные, и шерстяные. Или даже кашемировые?

— Оригинальная пуговица. С якорем.

— На жертве была водолазка и кожаная куртка на молнии.

— А еще юбка длинная на резинке. Значит, пуговица с одежды преступника.

— Или ее потерял кто-то посторонний. Зацепился, порвал свитер и обронил.

— Но все же мы ее возьмем с собой, — и Грачев опустил предполагаемую улику в полиэтиленовый пакет.

После этого коллеги стали подниматься выше. Кровь обнаружилась и на последней ступеньке. И это была уже лужица. Грачев вопросительно глянул на Льва.

— Да, этот образец тоже взят на экспертизу, — ответил на немой вопрос тот. — И клочок волос. Но они, судя по цвету и структуре, с головы Киры: седоватые и довольно длинные, сантиметров десяти. — Они дошли до двери, ведущей на галерею. Она была распахнута.

— Киру тащили за волосы, она сопротивлялась, хваталась за стены, пыталась царапаться. Ее не изнасиловали?

— Бондарев... — такова была фамилия криминалиста, он же работал патологоанатомом, — уверен, что нет. По крайней мере следов классического проникновения он не обнаружил. Таких, как повреждений... кхм... интимной части тела, следов спермы...

— А трусы надорваны.

— Вся одежда повреждена. Но это неудиви-

тельно, если ее волокли, а потом скинули с высоты.

Они подошли к краю балконной галереи. Ее борт раскрошился от времени, а перила давно сгнили. Башню строили в начале прошлого века. И для своих ста с лишним лет она неплохо сохранилась. Жаль, запустили ее, когда зону отдыха в другое место перенесли. А когда-то была достопримечательностью города. Походила на маяк. У нее и смотритель имелся. Но башня обветшала, и ее даже хотели снести, однако оставили, потому что никому не мешала, а лишних денег в бюджете не имелось.

— Если столкнули женщину, то тут, — сказал Грачев.

— Но ее труп левее лежал.

— Скатился. Берег размывтый, неровный.

— Тогда она могла о кирпичи, которыми усеяна земля под башней, удариться. У нее рана на голове. А где мы нашли ее, там трава мягкая и песок.

— Или ее ударили. Давай поищем что-то, чем можно было это сделать.

— Тут тоже полно кирпичей. И палок. Нам бы лампу ультрафиолетовую.

— Да. И Декстера.

— Кого?

— Суперкриминалиста из американского сериала. Он бы живо картину преступления нарисовал и нашел улики. Но мы работаем с тем, что имеем. И у нас есть допотопная переносная лаборатория, лупа и наша наблюдательность. Так что ищем глазками.

— Хоть лупу бы дали, — проворчал Лев.

— Нужно было спросить у Бондарева.

— Она у нас что, одна на весь отдел? Как же мы отстали...

— Хорошо, что у нас тихий городок. Воруют по мелочи, дерутся, мошенничают. Зато семь лет без тяжких преступлений прожили.

— И вот оно свершилось, а у нас ни кадров, ни аппаратуры, ни опыта раскрытия запутанных дел.

— Ничего, мы справимся, — хлопнул коллегу по плечу Грачев. — Знаю, кто может помочь.

— Я тоже. Поедем к старику?

— Ты тут оставайся. Осматривай территорию. Делай снимки на планшет, хорошо, кстати, что нам хотя бы их выдали. Я в «Лиру» пешочком. А вы меня потом заберете. Лады?

Костик кивнул, и товарищ майор покинул галерею.

* * *

Николай Грачев с детства мечтал стать милиционером. Пойти по стопам деда. Михаил Ильич был в Приреченске фигурой легендарной. Даже когда ушел на пенсию, к нему за советами шли и молодые коллеги, и те, кто находился по другую сторону закона. Сколько конфликтов дед уладил, не счесть. Городу мало культурой напиться, ему еще и дисциплина нужна. За порядком, особенно в лихие девяностые и разнузданные нулевые, кто-то должен был следить. И не власть, к ней у народа всегда было скептическое отношение. Старейшина. Вожак. Мудрец. Справедливый вершитель. Человек, кого не боятся, а уважают. Когда старый завод делили, именно

Михаил Ильич, или просто Ильич, так его все называли, проконтролировал, чтобы все мирно прошло. А после постройки второго завода сделал все для защиты города от приезжих беспредельщиков. В Приреченске тогда был смотрящим вор в законе Кудря, и Ильич смог сделать его своим союзником. Сейчас дед был уже стар. Ему перевалило за семьдесят пять. Он являлся почетным жителем города, но обитал в «Лире». Купил себе там дачку и перебрался в поселок, чтобы заняться огородничеством и разведением пчел. В Приреченске бывал редко. В его жизни перестал принимать участие. Ушел на покой окончательно.

Грачев-младший навещал деда регулярно. И не только, чтобы проведать, привезти вещей, нужных старику, помочь по хозяйству. Коле нравилось проводить с ним время. Больше, чем с кем-то еще, даже с женой. Не только говорить, но и молчать. Они могли сидеть на веранде в креслах-качалках, пить чай с травами и медом и думать о своем. Ильич овдовел в шестьдесят семь. Тогда-то и переехал в «Лиру». Как говорил, доживать свой век. Но здоровья он был богатырского, и горе Ильича не сломило. А от хандры спасался заботами. Поэтому и теперь был бодр и рассудком не ослаб. В прошлом году к нему за советом приезжал следователь из столицы, Колин сокурсник, и дед помог найти вора и убийцу, орудовавшего в подмосковных поселках, всего лишь изучив дело.

Коля дедом восхищался. Тот был ему примером во всем. В том числе в личной жизни. Он женился довольно поздно по тем временам,

в двадцать семь. Когда нагулялся и встретил ту, кого увидел своей половинкой. Бабуля Анюта стала той единственной. Дед ни разу ей не изменял. Хотя на него кто только не имел виды! Рослый, сильный, красивый, авторитетный Ильич сводил с ума бабенок. И простых, и тех, что сложнее. И поэтесса известная за ним бегала, она же заведующая библиотекой Эмма Власовна, и бизнесумен, что открыла в Приреченске первый торгово-развлекательный комплекс. Но дед оставался верен своей Анютке, потому что дал клятву, когда надевал ей на пальчик кольцо.

Внук не хотел отличаться от Ильича. В этом тоже. Поэтому тщательно выбирал супругу. И когда ему показалось, что встретил ТУ САМУЮ, сделал предложение. Поженились. Вскоре появился на свет сын. И вроде все в порядке. А счастья нет. Хотя жена Наталья всем хороша: и хозяйка прекрасная, и мать. А выглядит просто всем на зависть. Коля ее из Москвы привез. Учились вместе. Она не столичная штучка, приезжая, но из крупного города, и семья у нее приличная. Могла бы, пожалуй, себе найти партию получше. Но выбрала Колю. И переехала с ним в Приреченск. Устроилась в банк, потом родила, ушла в декрет, сейчас снова к работе вернулась. Несмотря на занятость, всегда готовила ужины, держала в порядке дом. Грачев возвращался с работы и видел уют, ощущал аппетитный запах еды. Жить бы да радоваться. А не получалось! То ли ему нужно было что-то другое, то ли...

Кто-то другой!

С супругой Николай не ругался. Наташа и характером удалась. Спокойная, понимающая.

И не то чтобы он мечтал о стерве. Нет! Просто хотелось драйва. Если бы не сын, Коля ушел бы от жены. И его никто бы не понял, потому что от хороших жен не уходят. Разве что к любовницам, но он супруге не изменял.

Коля был не таким обаятельным, как дед, но видным. Рост два метра и пять сантиметров. Такого не пропустишь. Густые темно-русые волосы, серо-зеленые глаза. На подбородке ямка. Не красавец, но мужчина запоминающийся.

...Грачев-младший добрался до «Лиры» быстро. Уложился в двадцать минут. Он широко шагал и хорошо знал дорогу. В детстве бегал вместе с друзьями в дачный поселок купаться. На городском пляже народу полно, а тут мало. И все на песчаной косе собирались. Загадочно называли ее российскими Мальдивами (тогда в их краях слыхом не слыхивали об этих райских островах). Мальчишки же любили с обрыва нырять. А так как трусов мочить не хотели, сигали в воду голышом.

Михаил Ильич приобрел дом у наследников почившего оперного тенора. Дом был в плачевном состоянии, и отдали его за копейки. Дед привел его в божеский вид, пристроил веранду. Баньку возвел. И все своими руками. Потом еще участок бесхозной земли купил, договорившись с администрацией. На нем поставил ульи и курятник. Несушки у него были знатными, а все потому, что он покупал шикарных петухов. Смеясь, говорил, что все бабы любят красавцев и куры тоже. А если они довольны, то и несутся лучше.

Коля зашел в дом. Ильич не запирает дверь, поэтому не пришлось звонить или стучать.